

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

RESULTS OF STUDYING OF MATERIALS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

Научная статья / Research Article

УДК 902.21(571.16)

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(4\).-02](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(4).-02)

EDN: HAYDZL

УСТЬ-КИРГИЗСКИЙ МОНАСТЫРЬ, АРХИМАНДРИТСКАЯ ЗАИМКА, МОГИЛЬНИК БЛИЗ ТОМСКА: РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В УСТЬЕ РЕКИ БОЛЬШАЯ КИРГИЗКА В 2023 Г. (ЗАТО СЕВЕРСК, ТОМСКАЯ ОБЛАСТЬ)

**Евгений Владимирович Барсуков^{1*}, Александр Сергеевич Зинченко²,
Богдана Станиславовна Попова³**

¹Томский государственный университет, Томск, Россия;
barsukovevg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3761-5039>

²Сибирская археология, Северск, Россия;
azksander@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-4479-2619>

³Сибирская археология, Северск, Россия;
bogdana.borilo@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-8164-0191>

*Автор, ответственный за переписку

Резюме. В статье представлены результаты археологических исследований 2023 г., проведенных на правобережном приустьевом участке р. Большая Киргизка (ЗАТО Северск, Томская область). В археологии это место известно с конца XIX в., однако археологических исследований здесь не проводилось. Полученные материалы позволили подтвердить существование в пределах мыса поселенческого комплекса XV–XVII вв. Кроме этого, исследован культурный слой, связанный с периодом русского освоения окрестностей Томска. В 1-й половине XVII в. в устье р. Большой Киргизки был основан Успенский (Алексиевский) мужской монастырь, после переноса которого ближе к городу здесь существовали д. Монастырка и заимка архимандрита. Приустьевый мыс предполагался исследователями и в качестве локации раскопанного в конце XIX в. могильника у Архиерейской заимки. По результатам работ 2023 г. ар-

гументов, подтверждающих это предположение, получено не было. Установлено, что данный могильник находился совершенно в другом месте, на левом берегу р. Малая Киргизка, в черте современной застройки г. Томска. Результаты работ позволяют сделать выводы о необходимости изучения бассейнов рек второго порядка, приуроченных к г. Томску, перспективных для выявления объектов начального этапа русского освоения окрестностей города и памятников автохтонного населения.

Ключевые слова: река Томь, река Большая Киргизка, Усть-Киргизский монастырь, Архимандритская заимка, позднее средневековье, раннее средневековье, новое время

Благодарности: исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (проект № FSWM-2024-0006).

Для цитирования: Барсуков Е.В., Зинченко А.С., Попова Б.С. Усть-Киргизский монастырь, Архимандритская заимка, могильник близ Томска: результаты археологических исследований в устье реки Большая Киргизка в 2023 г. (ЗАТО Северск, Томская область) // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37, № 4. С. 26–46. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(4\).-02](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(4).-02)

MONASTERY AT THE ESTUARY OF THE KIRGHIZKA, ARCHIMANDRITE'S SMALL SETTLEMENT, BURIAL GROUND NEAR TOMSK: RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH AT THE ESTUARY OF THE BOLSHAYA KIRGHIZKA RIVER IN 2023 (ZATO SEVERSK, TOMSK OBLAST)

Evgeniy V. Barsukov¹*, Alexander S. Zinchenko², Bogdana S. Popova³

¹Tomsk State University, Tomsk, Russia;

barsukovevg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3761-5039>

²Siberian Archaeology, Seversk, Russia;

azksander@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-4479-2619>

³Siberian Archaeology, Seversk, Russia;

bogdana.borilo@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-8164-0191>

*Corresponding Author

Abstract. This article presents the results of archaeological research conducted in 2023 on the right bank of the estuary section of the Bolshaya Kirgizka River (closed administrative-territorial entity of Seversk, the Tomsk Oblast). This place has been known in archaeology since the late 19th century, but archaeological research had not been conducted there. The obtained materials confirmed the existence of a settlement complex within the cape dating from the 15th to 17th centuries. Furthermore, a cultural layer associated with the period of Russian settlement in the Tomsk environs was examined. In the first half of the 17th century, the Assumption (Aleksievsky) Monastery was founded at the mouth of the Bolshaya Kirgizka River. After its relocation closer to the city, the village of Monastyrka and the Archimandrite's small settlement existed here. The researchers also proposed this estuary promontory as the location of a burial ground excavated near the Archbishop's small settlement in the late 19th century. The 2023 research did not yield any evidence to support this assumption. It has been established that this burial ground was located in a completely different location, on the left bank of the Malaya Kirgizka River, within the modern-day city of Tomsk. The results of this research suggest the need to study the secondary river basins surrounding Tomsk, which hold potential for identifying sites from the initial stage of Russian settlement in the city's environs and sites of indigenous populations.

Keywords: Tom River, Bolschaya Kirghizka River, Monastery at the estuary of the Kirghizka, Archimandrite's small settlement, late Middle Ages, early Middle Ages, modern times

Acknowledgments: the study was performed within the framework of a state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project № FSWM-2024–0006).

For citation: Barsukov E.V., Zinchenko A.S., Popova B.S. Monastery at the Estuary of the Kirghizka, Archimandrite's Small Settlement, Burial Ground Near Tomsk: Results of Archaeological Research at the Estuary of the Bolshaya Kirghizka River in 2023 (ZATO Seversk, Tomsk Oblast). *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy* = *Theory and Practice of Archaeological Research*. 2025;37(4):26–46. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(4\).-02](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(4).-02)

Введение
Несмотря на территориальную доступность, реки второго порядка Нижнего Притомья, протекающие близ г. Томска, изучены археологами довольно слабо. В этом отношении долина р. Большая Киргизка не является исключением, однако при ближайшем рассмотрении обнаруживается довольно глубокая историческая связь данной территории не только с основанным в 1604 г. городом Томском, но и с автохтонным дорусским населением. Согласно дошедшим до нас историческим сведениям, в начале XVII в. в устье этой реки был основан первый на томской земле мужской монастырь (Миллер, 2005, с. 105–106), а после его переноса ближе к городу здесь располагалась д. Монастырка (Чертежная книга..., 1882, л. 11) и монастырский загородный дом (Беликов, 1898, с. 206). С конца XVIII в. на данной территории находилась «Архимандритская заимка», просуществовавшая вплоть до 1920-х гг. На первой археологической карте окрестностей г. Томска, составленной в 1890 г., на этом месте были обозначены «остатки укрепления» (Кузнецов, 1890, с. 2), которые в середине XX в. получили название «Остатки Большекиргизского укрепления» (Дульзон, 1956, с. 121). Примерно в этот же период в сводных работах, посвященных памятникам Приобья, устье р. Большая Киргизка было определено в качестве локации раскопанного в 1896 г. Курганного могильника близ Томска (могильник у Архиерейской заимки) (Талицкая, 1953, с. 258).

Накопившиеся с конца XIX в. сведения об исторических и археологических объектах в устье р. Большая Киргизка весьма запутаны и зачастую противоречивы. Несмотря на то что во 2-й половине XX в. нижнее течение этой реки являлось объектом отдельных археологических разведок и раскопок, правобережный приустьевый участок оставался не обследованным (Ожередов, Яковлев, 1993, с. 114–117). Данная территория попадала в режимную зону ЗАТО «Северск», доступ в пределы которой был ограничен. Археологам удавалось проводить лишь сборы археологического материала в осыпи мыса, которые однозначно указывали на наличие здесь разновременного культурного слоя (Соколова, 2010, с. 195–200). Несмотря на то что ограничения сохраняются, в 2023 г. сотрудникам ООО «Сибирская археология» и Музея г. Северска удалось организовать в границах мыса рекогносцировочные археологические работы (Зинченко, 2024; Попова, 2024). Результаты этих исследований позволили в некоторой мере систематизировать накопившиеся с конца XIX в. сведения, что стало поводом для подготовки данной публикации.

Результаты

По результатам исследований 2023 г. был выделен археологический памятник — «Поселение Усть-Большекиргизка», датируемый пределами XV–XX вв. (рис. 1). Полученная в ходе работ коллекция насчитывает в совокупности 246 единиц археологических предметов.

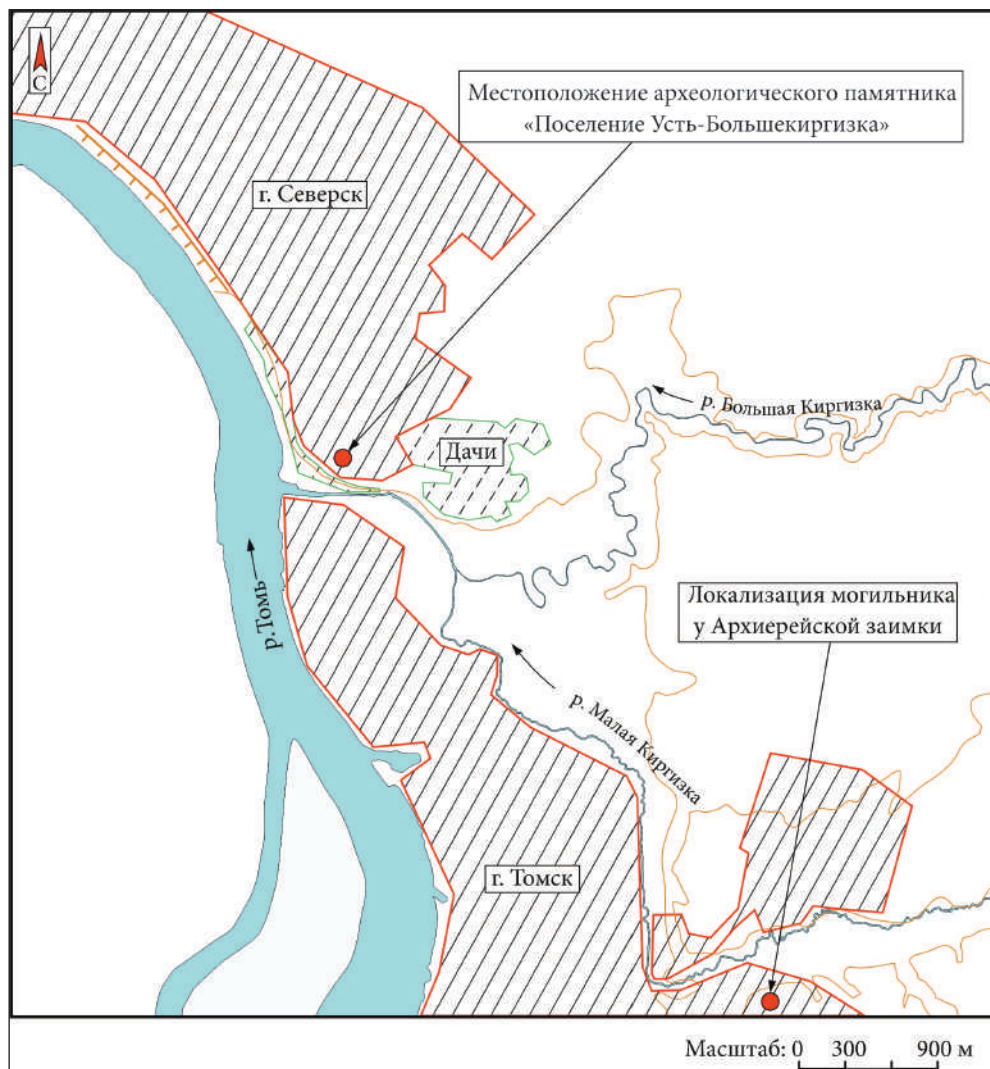

Рис. 1. Местоположение археологического памятника «Поселение Усть-Большекиргизка»
Fig. 1. Location of the archaeological site "The Ust-Bolshekirgizka Settlement"

Стратиграфическая ситуация и комплекс находок указывают, что объект является многослойным и вскрытые напластования формируют два культурных горизонта. Под пере-

отложенными современными напластованиями зафиксированы находки, связанные с периодом XVII — начало XX вв. Полученный материал в основном представлен керамическими изделиями, а именно посудой гончарного производства: сероглиняной и поливной. Наибольший интерес представляют фрагменты посуды со следами черного лощения (рис. 2. -8–10), которые были зафиксированы лишь в одном шурфе, наиболее удаленном от кромки мыса. Они представлены фрагментами с лощеным сетчатым орнаментом, именно их присутствие сделало допустимым определение нижней хронологической границы «русского» слоя XVII в. Аналогии такой посуде широко известны в культурных слоях XVI–XVIII вв. русских городов и поселений Западной Сибири и европейской части России (Розенфельд, 1968, с. 105; Балюнов, 2018, с. 122, 124; Сопова, Татаурова, 2023, с. 900), однако наибольший расцвет ее производства приходится на XVII в. (Черная, 2002, с. 70). Среди находок присутствуют фрагменты кожаной обуви, единичные находки из камня, металла и кости. Они могут быть датированы только в широких хронологических рамках: XVII — начало XX в. Исключением являются осколки стеклянных изделий и фрагменты фаянса, массовое распространение которых прослеживается с середины XIX в. (рис. 2.-6–7).

Кроме фрагментов гончарной керамики зафиксированы черепки орнаментированной лепной посуды, которые встречались в переотложенной части «русского» слоя, а также в напластованиях, залегающих под ним. В совокупности найдено 46 фрагментов орнаментированной керамики (рис. 2.-1–3). Удалось установить, что лепная керамика связана с прослойками серо-коричневой/палево-серой супеси, залегающей над материком и не содержащей явно поздних русских предметов. Многочисленные аналогии такой керамики имеются в поселенческих и погребальных памятниках Томского Приобья эпохи позднего средневековья (XV–XVII вв.), где присутствуют практически идентичные по орнаментации образцы (Плетнева, 1990; Барсуков, 2016). В слое, содержащем орнаментированную керамику, были найдены два костяных наконечника стрел (рис. 2.-4–5), которые по сопряженности с другими находками и стратиграфической приуроченности также могут быть датированы поздним средневековьем.

В одном из шурфов зафиксирован бутовый фундамент из песчаника, сопровождающийся находками конца XIX — начала XX вв. Подобная практика широко применялась в г. Томске для строительства, поскольку песчаник был единственным доступным материалом для сооружения подобных конструкций. Аналогичные приемы и материалы использовались при строительстве стены Богородице-Алексеевского монастыря и фундамента Томской духовной семинарии конца XIX — начала XX в. (Зинченко, 2024). Кроме этого, в одном из шурфов были вскрыты фрагменты конструкции, представленной бревенчатой стенкой из нескольких венцов. Анализ стратиграфической ситуации указывает на его датировку серединой XIX — началом XX в. (Попова, 2024).

Таким образом, в пределах правобережного мыса в устье р. Большой Киргизки был выявлен культурный слой XV–XVII вв., вероятнее всего, связанный с местными тюркскими группами населения. Его перекрывали напластования, содержащие находки периода русского освоения этих мест, датируемые XVII — началом XX в., а также руинированные фрагменты конструкций конца XIX в.

Полученные данные позволяют интерпретировать и в какой-то мере систематизировать накопленные с конца XIX в. сведения.

Рис. 2. Археологические находки с поселения Усть-Большекиргизка: 1–3 — фрагменты орнаментированной позднесредневековой керамики; 4–5 — костяные наконечники стрел; 6–7 — осколки стеклянных изделий; 8–10 — фрагменты керамики с сетчатым орнаментом
 Fig. 2. Archaeological finds from the Ust-Bolshekirgizka settlement: 1–3 — fragments of ornamented late medieval ceramics; 4–5 — bone arrowheads; 6–7 — fragments of glass items; 8–10 — the pottery fragments with mesh decoration

Обсуждение

Первые упоминания об этом месте и расположенных здесь археологических объектах встречаются в материалах неизвестного автора конца XIX в., посвященных истории Томского Богородице-Алексиевского монастыря (Томский Богородицкий..., 1887, № 11–12). Он указывает, что на мысу р. Большая Киргизка, где предположительно располагался первый на томской земле мужской монастырь, имеются укрепления в виде вала. Ав-

тор связывает эти фортификации с функционированием монастырской обители, которая в XVII в. испытывала постоянную угрозу со стороны южных кочевников. В качестве аргумента подобной интерпретации он упоминает находку «старой заржавленной шпаги», обнаруженной при копке траншеи через линию укреплений. Автор приводит сведения и о наличии на мысу квадратных и круглых ям, расположенных вдоль берега р. Большая Киргизка, которые также связывались им с монастырем: «в настоящее время еще видны квадратные и круглые ямы вдоль берега Большой Киргизки и такие же знаки по лесной стороне дачи вблизи к озеру, называемому сборным, которое и название свое получило от того, что здесь собирались на бой защитники монастыря. По правому берегу Большой Киргизки до сих пор также заметен длинный земляной вал, вероятно, служивший прежде укреплением. Здесь при прорытии в 1870 г. межевой канавы была найдена заржавленная шпага с загнутым концом и костяною погнившей рукояткою» (Томский Богородицкий..., 1887, № 11, с. 5). Данные о наличии на мысу фрагментов фортификаций подтверждаются С.К. Кузнецовым, который в конце XIX в. на первой «археологической карте» окрестностей Томска отметил здесь «остатки укрепления» (Кузнецов, 1890, с. 2).

В 1920 г. устье р. Большая Киргизка было обследовано И.М. Мягковым, который на тот момент являлся агентом секции по охране памятников искусства и старины при Томском Губернском отделе Народнообраза. Исследователь осмотрел еще сохранявшиеся постройки Архимандритской заимки: церковь, полуразрушенную часовню, колокольню с ризницей, амбар. Кроме этого, он обследовал объекты, интерпретируемые им как остатки древнего Усть-Киргизского монастыря. Они начинались от дороги на д. Белобородову и представляли собой квадратные ямы, каждая сторона которых равнялась одной сажени (около 2,1 м). Число их достигало 30. Расстояние между ямами 1,5 аршина (около 1 м) (Яковлев, 1994, с. 77–79). В первой сводной работе, обобщающей все имеющиеся к середине XX в. сведения об археологических памятниках Томской области, А.П. Дульзон определяет упомянутые предшественниками объекты как «остатки Большекиргизского укрепления» (Дульзон, 1956, с. 121).

Во 2-й половине XX в. строительство в этом районе г. Северска, имеющего особый режим функционирования, сделало правобережный мыс р. Большая Киргизка недоступным для археологов. Сведения А.П. Дульзона не были проверены и вошли в Археологическую карту Томской области практически без изменений, под названием «Большекиргизское городище» (Ожередов, Яковлев, 1993, с. 115).

По результатам проведенных в 2023 г. работ можно констатировать, что зафиксированные в конце XIX — 1-й половине XX вв. исследователями «древние укрепления» и «квадратные ямы», вероятнее всего, были связаны не с монастырем, а с существовавшим в дорусский период поселенческим комплексом, представленным городищем с прилегающим к нему поселением. Полученный в 2023 г. керамический материал, фрагменты лепной орнаментированной керамики, находит многочисленные аналогии на памятниках позднего средневековья Томского Приобья. Аналогичная керамика представлена в сборах, сделанных в осыпи мыса в разные годы. Кроме керамики в этих материалах присутствуют металлургические шлаки и обломки железной руды (Соколова, 2010, с. 195–200), что является характерной особенностью для поселенческих памятников Томского Приобья 1-й половины II тыс. н.э. Нужно отметить практически полную идентичность некоторых фрагментов с устья р. Большая Киргизка материалам с городища Шайтан-III, по-

селения Золотая горка, Киреевского-I городища, городища Шеломок-I, расположенных на р. Томь и Обь. Подобная керамика связывается исследователями с местными тюркскими группами, обитавшими в Томском Приобье к моменту проникновения сюда русского населения (Плетнева, 1990; Барсуков, 2016), хотя высказывалось мнение и о ее связи с обитавшими к северу от территории исследования селькупам (Яковлев, Мец, 1993).

К сожалению, на сегодняшний день подобная керамика датируется в широких хронологических рамках XV–XVII вв., одной из причин этого является отсутствие исследованных однослойных памятников позднего средневековья. Большинство изученных раскопками объектов характеризуется разновременными материалами, включающими также и позднесредневековый пласт. Во многом именно эта деталь обусловила дискуссионный характер некоторых концептуальных положений позднесредневековой археологии Нижнего Притомья. Одна из актуальнейших связана с керамическим комплексом этого периода. На сегодняшний день не разработана типология керамики, не определены четкие хронологические границы ее бытования и др. Вполне естественно, что одним из необходимых условий для разрешения обозначенных проблем является наличие репрезентативного и хронологически «стерильного» керамического комплекса. В связи с этим особую актуальность приобретает выявление закрытых позднесредневековых комплексов или однослойных поселенческих памятников, так как на этой территории в материалах могильников XV–XVII вв. керамика встречается редко. В этом контексте открытое поселение Усть-Большекиргизка представляет несомненный интерес.

Сомнения о связи укреплений и многочисленных «ям» с монастырем возникают и из-за сведений письменных источников, согласно которым братия монастыря была немногочисленной: «по переписи 1712 г. кроме настоятеля число братии составляли: четыре иеромонаха, семь монахов и больничных — один схимонах и пять монахов. По переписи 1723 г. число братии было всего 12 человек и с настоятелем, а в 1772 г. в Алексиевском монастыре было всего только шесть человек» (Томский Богородицкий..., 1887, № 12, с. 5). Кроме этого, в 1-й половине XVII в. обитель пережила «кризисные» годы, по мнению Г.Ф. Миллера, она даже прекратила свое существование: «монастырь просуществовал недолго и 20 лет спустя нужно было снова начинать дело устройства монастыря в Томске» (Миллер, 2000, с. 83). Маловероятно, что в такой ситуации монастырь занимал обширную территорию и мог противостоять угрозе со стороны кочевников.

В контексте этого интересным наблюдением является факт того, что в шурфах, сохранивших орнаментированную лепную керамику, не обнаружено фрагментов чернolощеной гончарной керамики, а в единственном шурфе, содержавшем фрагменты лощеной посуды, не найдено более ранних орнаментированных черепков. При этом стратиграфическая позиция этих групп находок является схожей. Это позволяет сделать осторожное предположение о том, что поселение в начальный период русского освоения этого места еще могло функционировать и монастырь был устроен рядом с ним. Обитавшие в этих местах группы тюркского населения, зуштинцы, являлись союзниками русской администрации и формировали группу томских «служилых татар», поэтому подобное соседство не представляется невероятным. Более того, подобное расположение монастыря, рядом с укрепленным поселением местного населения, могло выгодно использоваться монастырской братией в периоды военной опасности со сто-

роны южных кочевников, прежде всего кыргызов. На протяжении XVII в. такие «набеги» имели регулярный характер (Беликов, 1898, с. 7–9).

В 2023 г. в одном из шурфов были обнаружены фрагменты посуды с чернолощенным сетчатым орнаментом. Такая керамика имела наиболее массовое бытование в XVII в., что позволяет предполагать принадлежность вскрытых в пределах данного шурфа напластований к известному по письменным источникам XVII в. Усть-Киргизскому монастырю, который располагался на правобережном приустьевом мысу р. Большая Киргизка.

В исторических документах отсутствуют прямые указания на дату его основания, что стало причиной некоторых разночтений среди историков. Согласно древнему синодику, хранившемуся в Богородице-Алексиевском монастыре, первый мужской монастырь был основан в устье р. Большая Киргизка в 1605 г. (Томский Богородицкий..., 1887, № 11, с. 5), однако это указание не подкрепляется сведениями других известных архивных документов. Более вероятным является предположение о его основании в 20-е гг. XVII в.: «и мы нищие твои государевы богомольцы не похотели в мире промеж двор скитаться и сволоклись ис Томского города вниз по Томе реке и обрели пустыню от города за 7 верст на устье речки Киргизки» (Бояршинова, 1950, с. 113). По-видимому, нужно согласиться с исследователями, указывающими, что монастырь был основан архиереем Киприаном, деятельность которого в Сибири приходится на 1621–1624 гг., он отметил устройством нескольких обителей в Сибири (Миллер, 2000, с. 83). Однако нужно заметить, что прямых указаний на это в источниках нет и первое упоминание монастыря в известных нам архивных документах датируется 1625 г. (Миллер, 2000, с. 375–377).

На начальном этапе существования монастырь носил название Успенского, однако его географическая приуроченность обусловила его более широкую известность под другим названием: «монастырь этот в народе, и даже в позднейших официальных актах, по причине своего местоположения назывался Усть-Киргизским» (Томский Богородицкий..., 1887, № 11, с. 3). Уже в 1-й трети XVII в. земли в нижнем течении Большой Киргизки были закреплены за монастырем. В 1634 г. обитель получила «данные грамоты» на свои владения по нижнему течению р. Большая Киргизка: «А владеют они тою пашенною заимкой по данной со 142 году с устья речки Киргизки вверх по речке Киргизке всего с распашными и заложными землями и з боровым местом длиннику 2 версты а от устья речки Киргизки вниз поперечнику одна верста» (Бояршинова, 1950, с. 137). В последующие годы монастырь расширяет здесь свои владения: «да они же владеют за речкою Томью в лугах против их монастырской деревни и против речки Большой Киргизки санными покосы на 200 копен, а владеют они теми санными покосы по крепостям до 165 года. Да у них же на речки Малой Киргизки построена мельница колотовка, а оброку с той мельницы в казну великого государя ничего не платят» (Бояршинова, 1950, с. 137).

Начальный этап существования монастыря слабо освещен в источниках, что стало причиной различных разночтений в исследованиях. На сегодняшний день можно лишь однозначно утверждать, что к середине XVII в. он переименовался с Успенского на Алексиевский и как минимум до 1656 г. располагался на устье р. Большая Киргизка, о чем свидетельствуют документы этого года: «...Кондрашка, государь пожаловал, велел отпустить ис Кузнецкого острогу в Томский город з женою ево с Марфут-

кою по обещанию помолитца в монастырь на усть Киргиски Пречистой Богородицы...» (Миллер, 2005, с. 394). В 1662 г. источники фиксируют его уже в другом месте, на левом берегу р. Ушайки, в пределах «Юрточной горы», расположенной в тот момент немного южнее г. Томска (Беликов, 1898, с. 10). Однако местность в нижнем течении р. Большая Киргизка монастырь во владении сохранил, о чем более подробно речь пойдет ниже.

Таким образом, по данным письменных источников в 1-й половине XVII в. Успенский/Алексиевский мужской монастырь располагался в пределах мыса устья р. Большая Киргизка. Наличие в одном из шурфов керамики с чернолощенным сетчатым орнаментом и анализ ее стратиграфической позиции позволяют предполагать датировку вскрытых напластований периодом его функционирования. Данные выводы являются дискуссионными, но все же оставляют перспективу обнаружения объектов, связанных с начальным этапом существования монастырской обители.

После переноса монастыря на Юрточную гору, на южную окраину города, братия сохранила за собой земли в устье р. Большая Киргизка. На чертежах С.У. Ремезова и на картографических материалах конца XVIII в. на этом участке обозначена д. Монастырка (рис. 3). По сведениям Г.Ф. Миллера она входила в состав «Окологородского стана», населенные пункты которого располагались на восточной стороне р. Томи: «Монастырская, на берегу Томи, немного ниже устья рч. Киргизки, которая впадает в Томь с востока, в 6 верстах от Томска. Принадлежит Алексеевскому монастырю» (Элерт, 1988, с. 86). В деревне проживали зависимые от монастыря крестьяне, которые за пользование его землями должны были вести хозяйство обители.

Рис. 3. Деревня Монастырская (Монастырка) в устье р. Большая Киргизка на фрагментах чертежей XVIII в.

Fig. 3. Images of the Monastyrskaya (Monastyrka) village at the estuary of the Bolshaya Kirghizka on fragments of the drawings of the 18th century

Кроме деревни в устье Большой Киргизки располагался загородный дом монастыря. В 1723 г. здесь находился скотный двор, который обслуживали два вкладчика и наемный работник с сыном, во дворе содержалось 15 лошадей, шесть коров, восемь голов мелкого рогатого скота и 17 овец, для собственных нужд работники двора возделывали по десятине в поле, сеяли по три чети гороху и по чети конопли (Емельянов, 1981, с. 60–61).

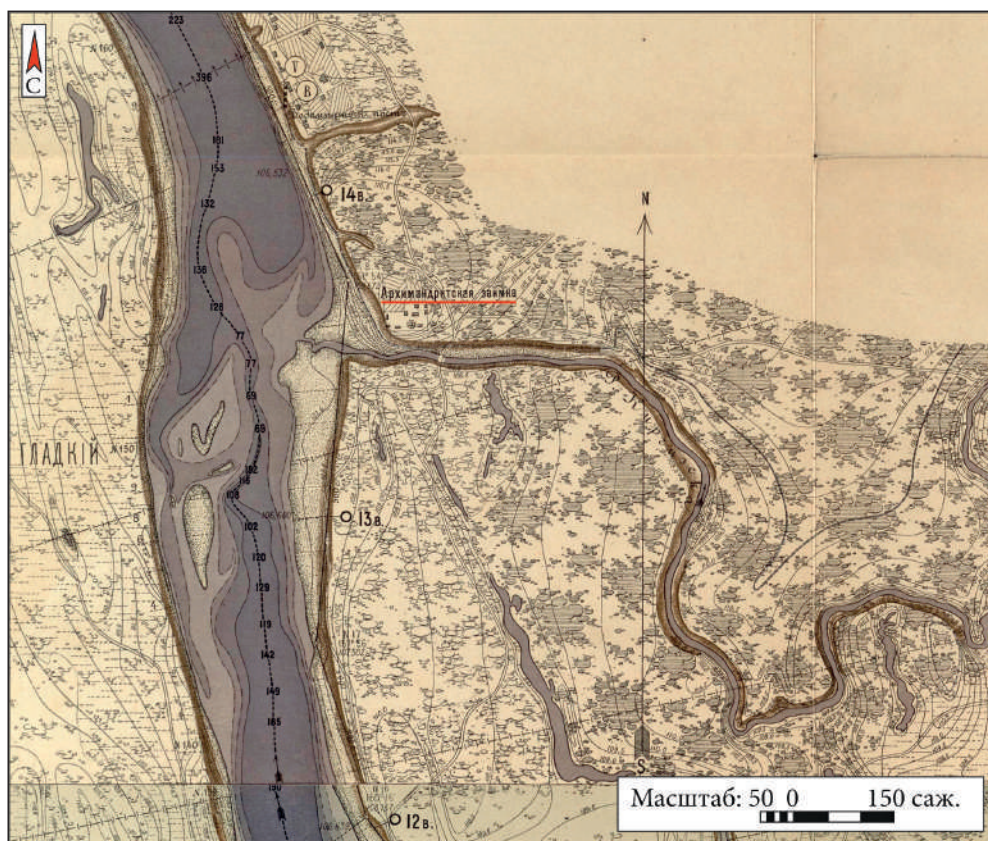
После указа императрицы Екатерины II в 1764 г. об изъятии у монастырей принадлежавших им ранее вотчин монастырь сохранил за собой участок в устье Большой Киргизки, который со временем получил название «Архимандритской заимки». В 1877 г. на заимке располагались церковь и часовня, две конюшни, два амбара, шесть домов для служащих и 18 дач, заведовал всем томский мещанин Василий Борисов. Хозяйство на Архимандритской заимке было небольшим: на скотном дворе содержалось несколько десятков крупного и мелкого скота, лошади. Имелись небольшие запашки гороха, конопли, овса. В конце XIX в. здесь проживало 10 работников. После Гражданской войны, в 1919 г., хозяйство Архимандритской дачи было сначала передано в пользу филиала Госконзавода, а в 1932–1933 гг. — в пользу трудовой коммуны «Чекист» (История Северска, 2009, с. 34–35).

Местоположение Архимандритской заимки зафиксировано на картографических материалах XIX в., она занимала оконечность правобережного приустьевых мыса (рис. 4). Это указывает, что проведенные в 2023 г. археологические работы осуществлялись на месте бывшего расположения заимки, по этой причине основная масса находок, сделанных в «русском» слое, связана с периодом ее функционирования. С большой долей вероятности к заимке относятся и зафиксированные в шурфах фрагменты бутового фундамента, а также бревенчатого строения. По комплексу сопутствующих материалов эти объекты датированы концом XIX в.

Необходимо отметить, что устье р. Большая Киргизка связывалось исследователями с еще одним хорошо известным в археологии Западной Сибири памятником — курганным могильником близ Томска (курганный могильник у Архиерейской заимки). Относительно датировки материалов памятника существуют различные мнения, однако, невзирая на частные разногласия, могильник однозначно датируется пределами 2-й половиной I тыс. н.э. Точка зрения о его локализации на месте Архимандритской заимки сформировалась в середине XX в. (Талицкая, 1953, с. 258; Дульзон, 1956, с. 120–121; Ожередов, Яковлев, 1993, с. 114–115). Однако проведенные в 2023 г. археологические работы не выявили свидетельств существования здесь насыпей курганов, более того, никаких материалов 2-й половины I тыс. н.э. получено не было. Это стало поводом обратиться к источникам и более детально проанализировать проблему локализации этого объекта.

В 1896 г. библиотекарем Томского Императорского университета С.К. Кузнецовым близ г. Томска был исследован курганный могильник, впоследствии ставший одним из самых известных погребальных комплексов Западной Сибири. Могильник открыт в ходе строительства Томского участка Средне-Сибирской железной дороги. Стоит отметить, что конкретного названия памятника С.К. Кузнецовым предложено не было, в своих трудах исследователь ограничивался условным наименованием «могильник близ г. Томска». Впоследствии, отталкиваясь от ближайших топонимов, исследователями были предложены самые разные варианты: Могильник близ Томска; Архиерей-

ская заимка; курганный группа «Архиерейская заимка»; Большекиргизский курганный могильник; могильник у Архиерейской заимки; могильник на р. Малая Киргизка (Отчет императорской археологической комиссии, 1898, с. 94–103; Талицкая, 1953, с. 258, № 103; Дульзон, 1956, с. 120; Ожередов, Яковлев, 1993, с. 114–115).

ки» были найдены древние предметы. За недостатком времени и боясь разграбления курганов местными жителями, С.К. Кузнецову приходилось работать в спешке, в том числе в ночное время. Для обеспечения освещенности им использовались фонарь, лампа и даже обычная восковая свеча, которые он «одадживал» в ближайшей железнодорожной будке (Отчет императорской археологической комиссии, 1898, с. 94–103; Беликова, Плетнева, 1983, с. 37).

Таким образом, в публикациях конца XIX в. памятник не имеет конкретного названия и упоминается в контексте изложения публикуемого археологического материала. В качестве географических ориентиров отмечается наличие поблизости Архиерейской заимки, железной дороги, железнодорожной будки и протекающей неподалеку р. Киргизка. К северу от г. Томска в настоящее время известно три реки, в названии которых используется этноним «Киргизка» (р. Большая Киргизка, Малая Киргизка, Сухая Киргизка), поэтому основным ориентиром для локализации памятника долгое время выступала Архиерейская заимка.

Первая попытка локализации памятника была предпринята И.А. Талицкой. В 1953 г. вышло сводное издание материалов и исследований по археологии СССР, посвященное древней истории Нижнего Приобья, где исследуемый могильник упоминается под названием «Архиерейская заимка, курганы». Местонахождение памятника характеризуется следующим образом: «Архиерейская заимка, местность в 10–12 км к северу от Томска Томского района и области, устье р. Большой Киргизки — правого притока р. Томи, правого притока р. Оби» (Талицкая, 1953, с. 258). Подобным образом памятник локализуется автором первой «Археологической карты Томской области» А.П. Дульзоном. Он практически повторил информацию И.А. Талицкой и закрепил за памятником другое название: «Большекиргизский курганный могильник» (Дульзон, 1956, с. 120–121). По-видимому, исследователи ориентировались на сведения карты, составленной в 1890 г. С.К. Кузнецовым, где в устье р. Большая Киргизка отмечена «Арх. заимка» (Кузнецов, 1890, табл. 1), которая в 1-й половине XX в. была отождествлена с «Архиерейской заимкой».

В конце XX в. материалы раскопок С.К. Кузнецова были использованы О.Б. Беликовой и Л.М. Плетневой в монографии, посвященной периоду раннего средневековья Томского Приобья. Расширение круга источников за счет архивных материалов позволило исследователям усомниться в предполагаемой предшественниками локализации памятника. Основываясь на письмах С.К. Кузнецова, исследователи справедливо пришли к выводу, что памятник должен был располагаться близ железной дороги. В устье р. Большая Киргизка, где помещали памятник И.А. Талицкая и А.П. Дульзон, железнодорожной ветки поблизости никогда не существовало. Исходя из этого, О.Б. Беликова и Л.М. Плетнева предположили, что могильник находился не на р. Большая Киргизка, а на излучине ее правого притока — р. Малая Киргизка, по левому берегу которой была проложена железная дорога (Беликова, Плетнева, 1983, с. 37–38). Однако вопрос относительно приуроченности памятника к «Архиерейской заимке» оставался открытым.

Изученные картографические материалы конца XIX — начала XX в. позволили нам установить, что к северу от г. Томска располагалось несколько заимок (Архимандритская, Ксендзова, Архиерейская). Последняя находилась на правом берегу р. Малая Кир-

гизка, в районе современного пос. Свечной. На плане земель Томского городского общества 1903 г. здесь отмечены земли Томского Архиерейского дома (рис. 5), а на картах 1920-х гг. на этом месте указана и сама Архиерейская заимка. Из архивных данных известно, что в 1835 г. Агапит, епископ Томский и Енисейский, добился от гражданских властей отвода участка земли в 5 верстах от города по р. Малая Киргизка. Устроенное там имение, известное впоследствии как Архиерейская заимка, использовалась для нужд архиерейского домоуправления (Исаков, Дмитриенко, 2002, с. 12–13). По противоположному берегу р. Малая Киргизка проходила железная дорога, устроенная в конце XIX в. к речной пристани Черемошники. На плане землемера С.А. Сырцова, составленном в 1899 г., на этом ее отрезке обозначен «сторожевой дом с переездом», который, по всей видимости, соответствует железнодорожной «будке», упоминаемой С.К. Кузнецовым (рис. 5). Таким образом, предположение Л.М. Плетневой и О.Б. Беликовой о локализации могильника в районе излучины р. Малая Киргизка получает благодаря историческим картографическим материалам дополнительные аргументы.

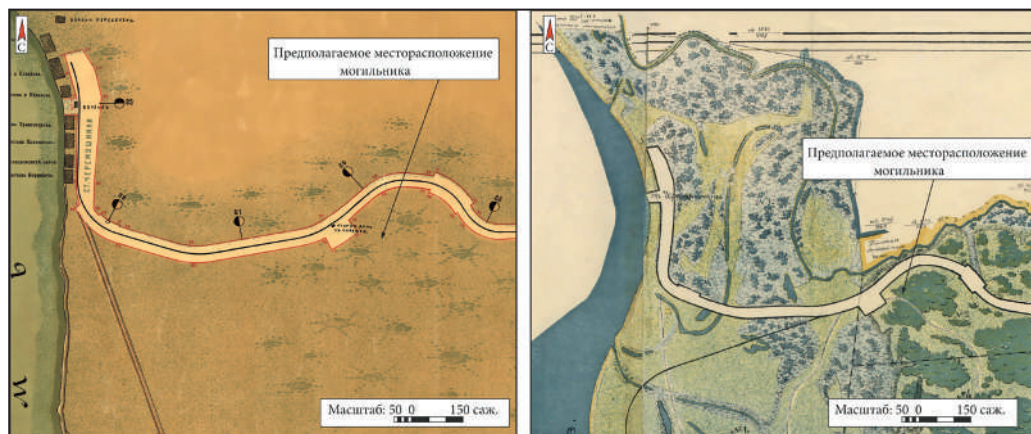

Рис. 5. Предполагаемое месторасположение могильника у Архиерейской заимки на картах рубежа XIX–XX вв. (фрагменты)

Fig. 5. The supposed location of the burial ground near the Archbishop's small settlement on maps from the turn of the 19th–20th centuries (fragments)

Относительно конкретного месторасположения могильника можно высказать следующие соображения. В месте современного переезда у АРЗа, на северной окраине Томска, ветка железной дороги спускается с высокой террасы в пойму. Эта высокая терраса является продолжением Каштачной горы, которую в районе переезда пререзает русло р. Малая Киргизка, в результате чего по обе ее стороны образуются высокие мысы. Правобережный мыс был занят Архиерейской заимкой, а вот напротив, на левобережном мысу, вполне мог располагаться могильник (рис. 6). При строительстве железнодорожной ветки эту часть террасы было необходимо сnivelировать, чтобы перепад высот между участками, проходящими по высокой террасе и пойме, был минимальным. Вероятнее всего, в результате этих работ и был обнаружен могильник.

Рис. 6. Предполагаемое месторасположение могильника у Архиерейской заимки на карте северной части г. Томска

Fig. 6. The supposed location of the burial ground near the Archbishop's small settlement on a map of the northern part of Tomsk

Полевые археологические исследования в предполагаемом нами месте локализации могильника немногочисленны и ограничивались осмотрами и сборами. Возможно, с рассматриваемым памятником связан археологический материал, который в 1920-х гг. обнаружил М.П. Грязнов. Известно, что в районе железнодорожной будки на берегу р. Малая Киргизка им была собрана коллекция керамики, хранящаяся ныне в Музее археологии и этнографии Сибири (Ожередов, Яковлев, 1993, с. 116). Целенаправленного обследования этой территории более не предпринималось. Только в 1990 г. А.Д. Гаман провел разведку в этом районе. В своем дневнике он предположил наличие к востоку от железнодорожного переезда на АРЗе нескольких курганов, которые были вытянуты вдоль железнодорожной насыпи, однако никаких конкретных аргументов, подтверждающих наличие здесь памятника, исследователю получить не удалось (Гаман, 2010, с. 57). В настоящее время этот участок берега р. Малая Киргизка плотно застроен, здесь на-

ходятся усадьбы жителей пос. Киргизка и промышленная зона. Каких-либо объектов в этом районе визуально не фиксируется. Тем не менее вероятность случайного обнаружения погребений, по нашему мнению, сохраняется.

Исходя из вышесказанного, можно констатировать, что могильник у Архиерейской заимки, раскопанный С.К. Кузнецовым в конце XIX в., не мог располагаться в устье на правом берегу р. Большая Киргизка, где до начала XX в. существовала Архимандритская заимка. С большой долей вероятности он находился на левом берегу р. Малая Киргизка, на северной окраине Томска, к востоку от современного железнодорожного переезда в районе АРЗа, на участке, где ветка спускалась с высокой террасы в пойму р. Томи.

Авторы отдают себе отчет в том, что некоторые высказанные положения имеют дискуссионный характер и для окончательных выводов необходимы более масштабные по площади раскопки. Однако с учетом особого режима использования территории бывшей Архимандритской заимки и урбанизированности предполагаемого места расположения могильника у Архиерейской заимки вряд ли в ближайшее время это окажется возможным.

Заключение

На сегодняшний день результаты археологических исследований 2023 г. позволяют сделать следующие выводы: на правобережной стрелке мыса р. Большая Киргизка в период, предшествовавший русскому освоению, существовало поселение позднего средневековья (XV–XVII вв.), часть которого имела фортификации. Вероятнее всего, с ним связаны упоминавшиеся с конца XIX в. укрепления и «ямы», расположенные вдоль русла р. Большая Киргизка.

Зафиксированные во всех шурфах находки XVIII — начала XX в., вероятнее всего, связаны с периодом функционирования д. Монастырка и загородным монастырским домом, известным как «Архимандритская заимка». Обнаруженные в одном из шурфов фрагменты керамики с чернолощеным сетчатым орнаментом позволяют допустить, что в пределах мыса сохранились участки культурного слоя, связанные с периодом существования Усть-Киргизского монастыря.

Локализация в устье р. Большая Киргизка известного с конца XIX в. курганного могильника у Архиерейской заимки является недоразумением. Вероятнее всего, памятник находился на левобережье р. Малая Киргизка, напротив заимки архиерея, на территории современного поселка Киргизка.

Без сомнений, устье р. Большая Киргизка представляет интерес прежде всего сохраняющейся потенциальной возможностью выявления остатков первого на томской земле мужского монастыря, который, несмотря на разночтения, однозначно был основан в 1-й половине XVII в. На фоне недостатка письменных свидетельств его исследование существенно расширит наше представление о первых десятилетиях освоения русским населением Нижнего Притомья. Таким образом, дальнейшее изучение бассейнов рек второго порядка, приуроченных к г. Томску, в значительной степени поспособствует как реконструкции истории русского освоения окрестностей города русским населением, так и изучению памятников автохтонного населения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Балюнов И.В. Тобольская керамическая посуда конца XVI — XVII века: опыт классификации // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2018. Т. 17, № 5: Археология и этнография. С. 120–129.

Барсуков Е.В. «Темный век» средневековой археологии Томского Приобья: результаты изучения постройки XV в. на городище Шайтан III // Вестник Томского государственного университета. Сер.: История. 2016. Т. 43, № 5. С. 33–39.

Беликов Д.Н. Старинные монастыри Томского края. Томск : Паровая Типо-Литография П.И. Макушина, 1898. 212 с.

Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1983. 244 с.

Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды Томского государственного университета. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1950. Т. 112. С. 23–210.

Гаман А.Д. Полевой дневник: по материалам разведок 1987–1988 гг. в Томском районе Томской области // След на песке. Материалы и исследования по археологии. Томск; Северск : Дельтаплан, 2010. С. 41–64.

Дульзон А.П. Археологические памятники Томской области // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск : Красное знамя, 1956. Т. 5. С. 89–317.

Емельянов Н.Ф. Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981. 180 с.

Зинченко А.С. Научный отчет о выполненных археологических работах. Археологическая разведка в зоне реконструкции комплекса ИТСО периметра ЗАТО Северск Томской области в 2023 г. Северск, 2024 // Архив ООО «Сибирская археология». № 167. 142 с.

Исаков С.А., Дмитриенко Н.М. Томские архиереи: Биографический словарь. 1834–2002. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. 112 с.

История Северска: очерки. Северск : Контекст, 2009. Т. 1. 380 с.

Кузнецов С.К. Отчет об археологических разысканиях в окрестностях города Томска, произведенных летом 1889 года // Известия Императорского Томского университета. Томск, 1890. Кн. 2. С. 123–200.

Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. М.: Восточная литература, 2000. 796 с.

Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 5. М.: Восточная литература, 2005. 598 с.

Ожередов Ю.И., Яковлев Я.А. Археологическая карта Томской области. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1993. Т. 2. 208 с.

Отчет Императорской Археологической комиссии за 1898 год. СПб. : Типография Главного управления уделов, 1898. 251 с.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в позднем средневековье (по археологическим источникам). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1990. 129 с.

Попова Б.С. Научный отчет о проведенной археологической разведке на территории ЗАТО Северск Томской области в 2023 году. Северск, 2024 // Архив ООО «Сибирская археология». № 195. 123 с.

Розенфельд Р.Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М. : Наука, 1968. 124 с. (Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е1–39).

Соколова А.Ю. Сборы с поселения Усть-Киргизка // След на песке. Материалы и исследования по археологии. Томск; Северск : Дельтаплан, 2010. С. 195–200.

Сопова К.О., Татаурова Л.В. Русская лощёная керамика XVII–XVIII веков с поселения Ананьино-1 (по материалам раскопок 2023 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXIX. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2023. С. 897–902.

Талицкая И.А. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // Материалы и исследования по археологии СССР. М. : Издательство АН СССР, 1953. № 35. С. 242–357.

Томский Богородицкий Алексеевский мужской монастырь // Томские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. 1887. № 11 (1 июня). С. 1–10.

Томский Богородицкий Алексеевский мужской монастырь // Томские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. 1887. № 12 (15 июня). С. 1–11.

Черная М.П. Томский кремль середины XVII–XVIII в.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. 187 с.

Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. СПб. : Тип. А.М. Котомина и Ко, 1882. 81 с.

Элерт А.Х. Историко-географическое описание Томского уезда Г.Ф. Миллера (1734 г.) // Источники по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск : Наука, 1988. С. 59–101.

Яковлев Я.А. Начало творческой биографии: Иван Михайлович Мягков и его «Отчет об осмотре Архимандритской заимки...» // Северск. История и современность. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1994. С. 69–82.

Яковлев Я.А., Мец Ф.И. Селище Золотая горка (к постановке вопроса об этнической ситуации в Томском Приобье II тыс. н.э. // Археологические исследования в Среднем Приобье. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1993. С. 129–152.

REFERENCES

Balyunov I.V. Tobolsk Ceramic Ware of the Late 16th — 17th Century: an Attempt at Classification. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya = Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology*. 2018;17(5): Archaeology and Ethnography:120–129. (In Russ.)

Barsukov E.V. “The Dark Age” of Medieval Archaeology of the Tomsk Ob Region: Results of the Study of the 15th Century Building at the Shaitan III Fortress. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya = Bulletin of Tomsk State University. Series: History*. 2016;43(5):33–39. (In Russ.)

Belikov D.N. Ancient Monasteries of the Tomsk Region. Tomsk : Parovaya Tipo-Litografiya P.I. Makushina, 1898. 212 p. (In Russ.)

Belikova O.B., Pletneva L.M. The Sites of the Tomsk Priobie of the 5th–8th Century AD. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1983. 244 p. (In Russ.)

Boyarshinova Z.Ya. Population of the Tomsk District in the First Half of the 17th Century. In: *Proceedings of the Tomsk Regional Museum of Local History*. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1950. Vol. 112. Pp. 23–210. (In Russ.)

Gaman A.D. Field Diary: Based on Reconnaissance Materials from 1987–1988 in the Tomsk District of Tomsk Region. In: Trace in the Sand. Materials and Research in Archaeology. Tomsk; Seversk : Del'taplan, 2010. Pp. 41–64 (*In Russ.*)

Dulzon A.P. Archaeological Monuments of the Tomsk Region. In: Proceedings of the Tomsk Regional Museum of Local History. Tomsk : Krasnoe znamya, 1956. Vol. 5. Pp. 89–317. (*In Russ.*)

Emelyanov N.F. Russian Settlement of the Middle Ob Region in the Feudal Era. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1981. 180 p. (*In Russ.*)

Zinchenko A.S. Scientific Report on Completed Archaeological Work. Archaeological Reconnaissance in the Reconstruction Zone of the ITSO Complex of the Perimeter of the Closed Administrative-Territorial Entity Seversk, the Tomsk Region in 2023. Seversk, 2024. In: Archive of Siberian Archaeology LTD. No. 167. 142 p. (*In Russ.*)

Isakov S.A., Dmitrienko N.M. Tomsk Bishops: Biographical Dictionary. 1834–2002. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2002. 112 p. (*In Russ.*)

History of Seversk: Essays. Seversk: Context, 2009. Vol. 1. 380 p. (*In Russ.*)

Kuznetsov S.K. Report on Archaeological Excavations in the Vicinity of the City of Tomsk, Carried out in the Summer of 1889. In: Bulletin of the Imperial Tomsk University. Tomsk, 1890. Book 2. Pp. 123–200. (*In Russ.*)

Miller G.F. History of Siberia. Vol. 2. Moscow: Vostochnaya literatura, 2000. 796 p. (*In Russ.*)

Miller G.F. History of Siberia. Vol. 5. Moscow: Vostochnaya literatura, 2005. 598 p. (*In Russ.*)

Ozheredov Yu.I., Yakovlev Ya.A. Archaeological Map of the Tomsk Region. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1993. Vol. 2. 208 p. (*In Russ.*)

Report of the Imperial Archaeological Commission for 1898. St. Petersburg : Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov, 1898. 251 p. (*In Russ.*)

Pletneva L.M. The Tomsk Ob Region in the Late Middle Ages (based on archaeological sources). Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1990. 129 p. (*In Russ.*)

Popova B.S. Scientific Report on the Archaeological Reconnaissance Conducted on the Territory of the Closed Administrative-Territorial Entity Seversk, the Tomsk Region in 2023. Seversk, 2024. In: Archive of Siberian Archaeology LTD. No. 195. 123 p. (*In Russ.*)

Rosenfeld R.L. Moscow Ceramic Production of the 12th-18th Centuries. Moscow : Nauka, 1968. 124 p. (Archaeology of the USSR. Collection of archaeological sources. Issue E1–39). (*In Russ.*)

Sokolova A.Yu. Collections from the Ust-Kirghiz Settlement. In: Trace in the Sand. Materials and Research in Archaeology. Tomsk; Seversk : Del'taplan, 2010. Pp. 195–200. (*In Russ.*)

Sopova K.O., Tataurova L.V. Russian Polished Ceramics of the 17th-18th Centuries from the Settlement of Ananyino-1 (based on excavations in 2023). In: Problems of Archaeology, Ethnography, and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Vol. XXIX. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2023. P. 897–902. (*In Russ.*)

Talitskaya I.A. Materials for the Archaeological Map of the Lower and Middle Ob Region. In: Materials and Research on Archaeology of the USSR. Moscow : Izdatel'stvo AN SSSR, 1953. No. 35. P. 242–357. (*In Russ.*)

Tomsk Bogoroditsky Alekseevsky Monastery. *Tomskie eparhial'nye vedomosti. Otdel neoficial'nyj* = *Tomsk Diocesan Gazette. Unofficial Section*. 1887;11(June 1):1–10. (*In Russ.*)

Tomsk Bogoroditsky Alekseevsky Monastery. *Tomskie eparhial'nye vedomosti. Otdel neoficial'nyj* = *Tomsk Diocesan Gazette. Unofficial Section*. 1887;12(June 15):1–11. (*In Russ.*)

Chernaya M.P. Tomsk Kremlin of the Middle 17th — 18th Centuries: Problems of Reconstruction and Historical Interpretation. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2002. 187 p. (*In Russ.*)

The Drawing Book of Siberia, Compiled by the Tobolsk Boyar's Son Semyon Remezov in 1701. St. Petersburg : Tip. A.M. Kotomina i Ko, 1882. 81 p. (*In Russ.*)

Elert A.Kh. Historical and Geographical Description of the Tomsk District by G.F. Miller (1734). In: Sources on the History of Siberia in the Pre-Soviet Period. Novosibirsk : Nauka, 1988. Pp. 59–101. (*In Russ.*)

Yakovlev Ya.A. The Beginning of a Creative Biography: Ivan Mikhailovich Myagkov and His "Report on the Inspection of the Archimandrite's Farmstead...". In: Sever'sk. History and Modernity. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1994. Pp. 69–82. (*In Russ.*)

Yakovlev Ya.A., Metz F.I. The Settlement of Zolotaya Gorka (towards the formulation of the question of the ethnic situation in the Tomsk Ob region of the 2nd millennium AD). In: Archaeological Research in the Middle Ob Region. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1993. Pp. 129–152. (*In Russ.*)

ВКЛАД АВТОРОВ / CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

Барсуков Е.В.: идея публикации, историческая характеристика, написание соответствующего раздела статьи, а также введения и заключения.

E.V. Barsukov: the idea of the publication, historical characteristics, writing the relevant section of the article, as well as the introduction and conclusion.

Зинченко А.С.: полевые археологические исследования, анализ археологических материалов, написание соответствующего раздела статьи.

A.S. Zinchenko: field archaeological research, analysis of archaeological materials, writing the relevant section of the article.

Попова Б.С.: полевые археологические исследования, анализ археологических материалов, написание соответствующего раздела статьи, перевод соответствующих разделов.

B.S. Popova: field archaeological research, analysis of archaeological materials, writing the relevant section of the article, translation of the relevant sections.

Конфликт интересов отсутствует / There is no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Барсуков Евгений Владимирович, научный сотрудник Лаборатории биогеохимических и дистанционных методов мониторинга окружающей среды, Биологический институт, Томский государственный университет, Томск, Россия.

Evgenij V. Barsukov, Researcher, Laboratory of Biogeochemical and Remote Methods of Environmental Monitoring, Tomsk State University, Tomsk, Russia.

Зинченко Александр Сергеевич, специалист-археолог ООО «Сибирская археология», Северск, Россия.

Alexander S. Zinchenko, Specialist Archaeologist of ООО “Siberian Archaeology”, Seversk, Russia.

Попова Богдана Станиславовна, специалист-археолог ООО «Сибирская археология», Северск, Россия.

Bogdana S. Popova, Specialist Archaeologist of ООО “Siberian Archaeology”, Seversk, Russia.

*Статья поступила в редакцию 10.08.2025;
одобрена после рецензирования 28.10.2025;
принята к публикации 24.11.2025.
The article was submitted 10.08.2025;
approved after reviewing 28.10.2025;
accepted for publication 24.11.2025.*